

**ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ**

ТАТЬЯНА КОРОСТЬШЕВСКАЯ

МУМИЯ
В МЕДУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Коростышевская, Татьяна.

К68 Мумия в меду : [роман] / Татьяна Коростышевская. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Звезды романтического фэнтези).

ISBN 978-5-17-105099-3

Черeda загадочных событий потрясает провинциальный Славигорск: покушения на местного олигарха, убийства, оживление древних мумий, раскрытие инопланетных технологий. И в центре всего этого оказывается она — медовая девушка Таисия Вереск.

Говорят, время лечит. Это неправда. Время убивает.

Говорят, месть — это блюдо, которое подают холодным. Это правда лишь отчасти. Если времени нет, и «горячая» месть сойдет.

У Таи есть цель, но совсем нет времени. И уж совсем его нет для любви. Но, кажется, мнением самой Таи на этот счет забыли поинтересоваться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105099-3

© Т. Коростышевская, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

Тимур

Сумерки вползают в комнату через приоткрытую дверь балкона. Легкий ветерок треплет шторы и позвякивает трубочками ветряных колокольчиков. Тимур приветливо улыбается сидящей напротив девушке. Та не замечает подкрадывающейся темноты, и эта ее доверчивость заводит Тимура даже больше, чем искушенность, которую демонстрировали его предыдущие жертвы. Улыбка молодого человека становится еще шире.

Девушка явно нервничает, сутулится, покусывает губы и пытается спрятать лицо за длинной растрепанной челкой. Не красавица, нет, но и не дурнушка. Как говорится, обычная твердая «пятерка» по пикаперской классификации. Тимур, не отводя взгляда, незаметно подстраивает свое дыхание. Торопиться сейчас не следует. Пусть расслабится, начнет ему доверять... Вдох-выдох, вдох...

— Так тебя зовут Таисия?

— Да, — легкое пожатие плеч. — Таисия Вереск.

Хорошая девочка, напуганная, но от этого еще более желанная. Губы хорошей формы — нижняя губа полнее, аккуратный прямой носик, зеленоватые глаза широко расставлены и смотрят из-под каштановой челки с абсолютно детским испугом. Сейчас главное — не смотреть ниже, на грудь, угадывающую

юся под тонкой тканью светлого сарафана. Грудь там что надо, зачетная, только излишний интерес к этим частям тела может не понравиться ее владелице, спугнуть ее. Тая, Таечка, Таисия... Сейчас у нее откат — она сама не понимает, зачем пришла в его квартиру, зачем слушала все его хохмочки, подкобочки и анекдоты. Зачем? Зачем? Он же ее, если начистоту, без особого огонька и обрабатывал-то. На одной технике. Увидел это слегка нелепое создание у торгового центра и решил дальше не искать. Можно было бы, конечно, прогуляться до ближайшего клуба, половить рыбку там, но, во-первых, финансы пели романсы, маменька решила в эти выходные не спонсировать досуг отпрыска, а во-вторых, зачем напрягаться, если можно довольствоваться малым? А эта Таисия вообще-то не такая уж и страшилась. До «шестерки», конечно, не дотягивает, но если ее причесать нормально и накрасить — то вполне сойдет.

— Вереск? Это фамилия?! Красиво... «А мне ко-стер не страшен, пусть вместе со мною умрет моя святая тайна, мой вересковый мед».

Девушка восхищенно смотрит исподлобья. Тимур доволен, что так удачно ввернул цитату из школьной программы, он протягивает руку и легко касается узкого запястья, ставит кинестетический якорь на жертву. Девушка не протестует, хотя и вздрагивает.

«Какая же она пластичная», — думает Тимур и отпускает руку, чуть позже он прикоснется к плечу, потом к шее. Жертва должна доверять его прикосновениям. Жертва...

— Помнишь? — с полуулыбкой спрашивает он, заполняя ненужную паузу. Пусть говорит, звук собственного голоса должен успокаивать.

МУМИЯ В МЕДУ

— Пришел король шотландский
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

— Конечно. Но, если верить семейным преданиям, происхождение нашей фамилии менее эпично. Вереск по-украински — визг. Видимо, мои пращурь отличались повышенной визгливостью.

Тимур смеется над удачной шуткой, не отводя взгляда от порозовевших щек девушки. Миленькая. А ведь ему и в голову бы не пришло, что такая вот типичная училка младших классов сразу после знакомства согласится на продолжение общения дома. Правда, он включил обаяние на полную — повадки уверенного самца, настойчивое приглашение на чай. Хорошо еще было куда ее пригласить — мать загорает на пляжах Шарм-эль-Шейха, квартира свободна. Надо будет еще Эдику позвонить, сказать, что встреча отменяется. Братан поймет — по кодексу братанов секс с новой цыпочкой важнее запланированной пьянки. Интересно, сколько ей лет на самом деле? Она говорила — двадцать пять, а на вид больше двадцати не дашь, но это — потому что без макияжа и одета простовато.

Таисия одергивает на коленях юбку и смотрит вниз, на огромные клетчатые тапки, в которые ей было предложено переобуться. Кресло большое, глубокое, в нем непросто держать спину прямо.

— У тебя есть домашние животные? — краснеет, спрашивая невпопад. — Просто я собак люблю.

Тимур наслаждается происходящим, подбираясь все ближе к цели. Он всего-то чуть больше года занимается пикапом, и вот сегодня у него юбилей — сотая цыпочка, попавшая под его безусловное мужское оба-

яние. Трепетная лань, сдавшаяся под яростным напором альфа-самца. Жертва и...

— Собака у тебя есть? — настойчивый вопрос диссонирует с общей расслабленностью атмосферы. — Здесь, в квартире?

— Нет, — очередное прикосновение к запястью.

А пальцы у нее тонкие, длинные, с розовыми детскими ноготками.

— У тебя красивые руки.

Тактильный контакт продолжается, ее ладони сухие и горячие.

— Ты любишь серебро?

— Что? — растерянно переспрашивает девушка. — Ах, это!

Она машинально заправляет браслет под манжету рубахи и прерывает контакт.

— Пожалуй, да, люблю...

Брови у нее гораздо светлее волос, а губы бледно-розовые, с четким рисунком.

Тимур тянется к пульту, выбирает нужный трек, и через мгновение из скрытых в стене колонок музыкального центра доносится негромкий гитарный перебор. Музыка преследует сразу две цели: во-первых, расслабить цыпочку — хотя, кажется, куда уж больше, Таисия и так уже полулежит в кресле, прикрыв глаза, а во-вторых... Тимур нажимает еще одну кнопку, активируя видеокамеру.

— Тебе, наверное, неудобно в кресле? Давай ко мне. Диван длинный, мы вдвоем поместимся.

Девушка открывает глаза. В их изумрудной глубине альфа-самцу чудится сомнение.

— Фильм какой-нибудь могу поставить, — дружески предлагает Тимур. — Ты что хочешь посмотреть?

— Сегодня, в двадцать два ноль-ноль... — Таисия бросает взгляд на часы. — Я хочу смотреть на пожар.

Девушка одним рывком поднимается, перешагивает кресло с изяществом гимнастки и резко раздергивает шторы. Багровое зарево заполняет комнату, до слуха Тимура доносится взрыв, треск огня, сирены пожарных машин.

— Это торговый центр? — пугается парень.

— Он самый, — кивает девушка, сдергивая с головы каштановый парик. — ТЦ «Пирамида» — надежда и оплот городской экономики. Правда, красиво?

Тимур хочет спросить: «Ты что, пироманка?» или «Ты что, чокнутая?», а вместо этого бормочет:

— Ты блондинка!

— Иногда, — хохочет Таисия. — Если ситуация того требует.

И тогда Тимур становится очень-очень страшно. Потому что стоящая перед ним женщина вовсе не та, которую он склеил пару часов назад у полыхающего сейчас торгового центра. Та была овечкой, эта — хищная кошка.

— Что тебе от меня нужно? Денег?

— Денег всем нужно, — мурлычет кошка, мягко, на цыпочках подходя к нему. — Только твоих финансов мне для счастья не хватит.

— Тогда чего? — Тимур хнычет как обиженный ребенок, не замечая текущих по щекам слез.

Таисия приближает к нему свое лицо, будто принюхиваясь.

— Не бойся, мышонок. Я тебя не обижу.

Эдик

Тимур не выходил на связь. Эдик звонил ему раз сто — и на мобильный, и на домашний, оставлял сообщения в социалках, на форуме, строчил эсэмэски. Но братан, кажись, залег на дно, и это Эдику совсем

не нравилось. Во-первых, Тим «торчал» ему три сотни еще с той памятной вечерухи в «Пирамиде». А во-вторых, Тимова родительница, Маргарита Александровна, собралась прожаривать свои телеса под солнцем Египта — Эдик подозревал, что жарить Маргариту Александровну будет еще и пара-тройка местных мачо, иначе зачем еще тетка за сорок каждый год в Египет летала бы, не на дохлых же фараонов смотреть? А раз маменька исчезла с горизонта, хата должна гулять.

Дом у Тимура был богатый, пафосный — свеженький новострой с расчерченной парковкой, нарядными клумбами и лавочками во дворе. И дверь подъезда заявленному пафосу соответствовала — железная, в кованых накладках.

Эдик вдавил кнопку домофона и прислушался к шороху в динамиках.

— Тим! Ты там?

Минуты три ничего не происходило, наконец до слуха Эдика донесся хриплый голос братана:

— Кто... Какого... За каким... Да пошел ты!

Так бы Эдик и стоял, вслушиваясь в предлагаемые адреса, но, к счастью, дверь открылась — хорошенькая соседка, «восьмерка» по международной пикаперской классификации, ухоженная самочка с отпадными буферами, блондинистой гривой волос и белозубой улыбкой выходила на утреннюю пробежку.

Эдик на автомате выдал любимый шаблон:

— Девушка, а вы туфельку не теряли?

Красотка опустила взгляд к своим ножкам, обутым в беговые кроссовки, и шагнула вперед.

— Тут я должна спросить — «какую?», а ты ответить — «хрустальную?».

— Ну да, — пробормотал Эдик, ощутив в груди непривычное стеснение. — А потом ты должна сказать, как тебя зовут, и дать номер телефона.

Сердце ускорилося, перекачивая литры крови. «Восьмерка», вопросительно приподнявшая золотистые брови над изумрудно-зелеными глазами, плавно превращалась в «девятку». Такие женщины, наверное, только раз в жизни встречаются. Надо будет у Тима про нее расспросить. Не может быть, чтоб братан на это чудо, живущее по соседству, внимания не обратил. Какая талия! Ладонями обхватить можно. А ножки! Бесконечно длинные и запредельно стройные! И волосы — золото и мед.

Эдик потянул носом. Ему показалось, что в воздухе разливается сладкий аромат.

— Бог подаст! — В дверях появился смуглый бровастый пацаненок, волочащий за собой чемодан на колесиках. — А это, извини, мужик, не твоей лиги ба-рышня.

В мальчишке было что-то неправильное, нелогичное, но что именно, Эдик так и не успел определить. Красотка рассмеялась, ухватила за ручку чемодана и подняла его без видимых усилий:

— Не злись, Рашук. Может, это любовь с первого взгляда.

Пацан пробормотал что-то неразборчивое и прикрикнул на Эдика:

— Иди, куда шел, рожа похотливая. Развелось вас тут, на квадратный метр... Или ускорение придать?

И имя у него было дурацкое, не местное, и одет он был как бомж, во что-то разношенное и бесформенное, похожее на полосатый махровый халат. По контрасту с ухоженной блондинкой пацан смотрелся как привокзальный попрошайка. Эдик при всей своей сообразительности не мог представить, что связывает двух настолько разных людей. Они родственники? Мать и сын? Не похоже — мальчишке лет двенадцать, красотке — чуть больше двадцати. Хотя с нынешним развитием пла-

стической хирургии любая сорокалетняя тетка может себе юное личико заказать. Странная парочка удалялась в сторону парковки, а Эдик наконец решился:

— Ну хоть скажи, как тебя зовут, принцесса!

Блондинка обернулась через плечо и укоризненно покачала головой:

— Иногда важно вовремя остановиться.

Дверь за спиной захлопнулась с металлическим лязгом, но Эдик уже никуда не спешил. Для него вдруг стало исключительно важно продолжить общение — обаять, заговорить, соблазнить. Ему казалось, что, если сейчас рыбка сорвется, сладкий запах духов будет преследовать его всю жизнь.

— Тогда вот, — парень стал лихорадочно рыться в карманах джинсов в поисках визитки.

Карточки у него были зачетные — дорогая, приятная на ощупь бумага, четкий шрифт, только имя и номер телефона. Особы женского пола, ОЖП, как их называли пикаперы между собой, не должны были получать информации больше, чем ты готов им дать. Должность? Адрес? Домашний телефон? А если жертва окажется навязчивой или влюбленной без памяти, если решится потом преследовать? А кого интересует отработанный материал? Конечно, высшим пилотажем считалось оставить после себя приятные воспоминания без надежды на продолжения отношений. Но разумную предосторожность на заре общения никто не отменял.

— Возьми! — Эдик подбежал к красотке, протягивая свою визитку. — Если захочешь меня найти...

— Тоже мне, неразрешимая задача! — оборванец, оказавшийся нечеловечески проворным, заступил путь и слегка толкнул пикапера в грудь. — Тебя! Самца озабоченного! Найти!

Черные, как ночь, глаза затуманились.

МУМИЯ В МЕДУ

— Эдуард Сидоренко, двадцати трех лет, проживающий с родителями по адресу: улица Индустриальная, пятнадцать, квартира три, временно безработный, вторая группа крови, плоскостопие...

— Рашук! — Блондинка даже злилась прекрасно. — Мы теряем время.

Мальчишка моргнул:

— Живи пока, Сидоренко, торопимся мы! — и смачно сплюнул себе под ноги.

Эдик приходил в себя минут двадцать. Выкурил сигаретку, чтобы табачный запах перебил сладкий цветочный шлейф ее духов, посидел на лавочке, любуясь, как дворник в оранжевом жилете поливает клумбы, и прошмыгнул в подъезд за работником метлы и лопаты, когда тот закончил работу.

Тимур выглядел как после недельного запоя — всклокоченный, с красными глазами.

Из одежды на братане был только шелковый халат родительницы — алый в золотых лилиях, длиною едва до середины бедер. Декольтированная грудь Тима поражала мускулистостью, и полноватый Эдик в сотый раз пообещал себе записаться в качалку.

— Ночка, как я вижу, удалась? — решивший с сегодняшнего дня посвятить себя фитнесу Эдик бодро протопал на кухню и открыл дверцу холодильника — в отсутствие Тимовой маменьки можно было не церемониться.

— Чего это ты, Винни-Пухом заделался?

Все полки холодильника были забиты баночками с медом — пластиковыми бутылками, стеклянными пузырями разного литража. Даже молочники и супница из парадного сервиза Маргариты Александровны стояли здесь же, по венчик заполненные янтарным содержимым. Мед Эдик определял с полувзгляда — тяжелое детство в деревне у бабушки, знатной славигорской пасечницы, накладывает, знаете ли, отпечаток.

— Она сказала, это очень полезно, — рассеянно ответил Тимур, снимая с огня свистящий чайник и заливая кипятком заварку. — Для кожи там и для потенции.

Чайники сразу распустились коричневыми щупальцами.

— Угумс, — Эдик вкусно запивал мед обжигающим чаем и активно поддерживать беседу не мог. — Че за цыпочка? Юбилейная? Как зовут?

Тим запустил пальцы в шевелюру. На запястье звякнули браслеты.

— Кого?

— Телку, которая тебе холодильник медом забила.

Тимур смотрел на приятеля абсолютно стеклянными глазами.

— Зовут... Кинестетический тест: руки — нейтралка, плечи — позитив. Раппорт слабый, доверия маловато... Тая, Таечка, Таисия...

«Скорая» приехала минут через десять. Толстая врачиха велела уложить Тимура на диван в гостиной, измерила давление, заставила высунуть язык. Укоризненно качала головой, выслушивая описание симптомов.

— Истощение у тебя, парниша. Жрал когда в последний раз?

— Не помню, — шепотом отвечал Тимур.

— Давно он в таком состоянии?

Тетка была хамоватая, но дело свое знала. Хрустнула ампула, пластиковая трубочка шприца заполнилась жидкостью.

— Мы с ним не виделись пару дней, — Эдик страшно хотел закурить, но при медработнице стеснялся. — Он с девушкой познакомился...

— Понятно, — игла вошла в руку Тимура повыше браслетов. — Молодо-зелено! На клофелин не похоже, но я бы проверила, все ли вещи на месте.

ГЛАВА 1

МЫШЬ ОБЫКНОВЕННАЯ

Таисия

За окном выла собака. Тревожно, безостановочно. Я посмотрела на часы. Четыре тридцать. Будильник я накануне ставила на пять, так что поганая псина украла у меня полчаса самого сладкого утреннего сна.

Позевывая, я сползла с кровати, волоча за собой одеяло. За окном было свежо и пахло сиренью. Я с силой захлопнула створку. Вой не прекратился, но теперь хотя бы стал менее слышен. Частный сектор, господа, он такой — тишина, спокойствие, уют и домашние животные в ассортименте.

Кухонька встретила меня какой-то больничной чистотой. В детстве, когда мы с родителями приезжали сюда, кухня становилась средоточием дачной жизни. Здесь всегда вкусно пахло — булочками, киселем или запеченным мясом. На плите в медных погнутых тазах томилось варенье, а у большого, не по-дачному нарядного окна ждали своей очереди превратиться в закуску свежие огурцы, помидоры или осенние яблоки. Мама готовить умела и любила. Я не люблю.

На завтрак у меня планировались тосты и чай, но от недосыпа мутило, и я решила перехватить что-нибудь уже в городе. Пикнул таймер наручных часов,